

Людмила Федоровна

• • •

Моя судьба — твое творенье,
У той, едва поступной грани,
Склонное белое скользенье
Непретворенное в название.

Туманит.. Снежистая крушка.
Спешу откладаться словами.
И лодки белые скорупка,
Как птачий ломтик над волнами.

И тут же грифелем угремши
Черта гороги уходящей.
И листья смыются без шума
Над бурующим и насторожим.

Моя единственная ракость —
Луч солнца, срезавший тучи.
И легкость музыки в царству
За ту же музыку в грядущем.

ВСТОНИЯ

Одною линией прохладой
она вершила начинанье
небес над недоступной чашей
и сдвоенными островами.

Был день, похожий на другие,
и общей жизни не перуши,
слова простые и чужие
переворачивали душу.

И больно было отглянуться —
там, у едва заметной грани,
свал мир в зеленом круглом блеске
земли, увиденной не нами.

Но также все-таки косили
глаза, настроенные точно.
И на похожий на россыпь
мир обнажал первоисточник.

ДО АРМЕНИИ

Всю жизнь на все, уехать в Ереван,
где плачетесь с отменным безразличием
девиц льдской, сливающейся с птичьим,
где в тенине на улочке столичной
есть странный дом - в нем ранние хны Сарьян.

Отсюда во все стороны земли,
переплетаясь ликом виноградом,
под пристальных небес спокойным взглядом,
сарьянские улицы летят.

Константинополь вытянулся в рост,
грозя огнем рубинового глаза,
Благодат в синем сумраке. Тверди
стоят на страже горные трясины
еще мое недоступного Кавказа.
Страна Сарьяна высится до звезд
Знаком по революциям пока -
пейзаж с волом у хижины раскосой.
Портреты мальчика и старика.
Арба скрипит, качалась на колесах.

Нора и в путь - от холода стражницы,
пусть ярмарочный шум, цвета и свет,
вернутся к уши, разорвут глазницы -
В Армению дано мне научиться
сложенье звуков в музыку планет.

А за спиной - из северной столицы,
мой безбоязный спутник, алая птица, -
российский слог: свечой замывает волед.

* * *

Страна, поставленная между
землей и небом - горький плод.
Свое то угольных, то снежных
ион ребра втянутый живот.

Скучные склоны. Много света.
Зато на золото воли.
Семь месяцев бушует лето,
сквозь травы и салы.

Горы сини твои, но грубо
творец их лица начертал —
так вырубают ледорубом
ступени к небу между скал.

Но хока речь твоя на клюкот.
Глаза летей твоих черни —
тысячелетний мрачен онт,
гонящий по миру волни.

И так как сознанием на грани
служить спорой двух свобод —
земля, сливаешь с небесами
ломает в трещине хребет.

СТИХИ ИЗ ПРОЗЫ

Чужого языка блаженное звучанье,
английская мучительная речь,
в моей груди хотелось мне сберечь
а дальних берегах твоих напоминанье,
да только, все-таки, дала скорлупка течь.

И не было судьбы, в которой нарекли
иными именами дом и город,
и маяки покинутой земли
напрасно надрывали красный голос.

И легкие хомяко флагера,
сорваться бы — и к Монреалю.
Но сплошне серые ветра
идет к востоку направлении:
судьбе ни знака, ни числа,
забыти призрачные дали —
земля кругла, спора изнадежна,
дорога, выгибаясь, знает край,
всегда всему назад вернуться можно,

но только ты — откликнись и проще —
англайской речи менот сесторей
под чистоколом страшных русских сказ.

* * *

Город Петра, общ не знаю,
растя, теряя вьюгъ,
растя, когда уда звезда
с другим не съединить,
когда уже ни царь, ни Бог,
ни памятник, ни власть...
О если бы ты, о если б мог
сей коров обуздати!

Но разум трезв, рука тверда,
лев каменный угрюм.
И гневно роет берега
воды и близок шум...
Нет мне выхода: пуста
дорога в тот приход,
где светит белая звезда,
как циферблата мая,
где голос тих, слова чужки,
а точный глаз кровав...
И в гуле неба и воды
мене ничего скрывать.

* * *

Моя разлука взгляном с парохода
к штурвалу льнет и вспыхнет подсмотреть,
как постепенно волны и природа
стараются прощание стереть,
как тонко, убегающий на задах,
круглятся мыс, и в пени винтовой
серыши бледных волосасей — на дать
минут мелькнут и ускользнут с водой,

как солнце то проглянет, то затмится,
как одновремки нависают над
зменстым берегом, как шумно птица
взвинчивает ввысь — ее теряет взгляд...
И склоняется морщинами для плача
вода и небо, порти чернозем
сверкающей бессмертной наукой,
невозделанной в музыку и стих.

* * *

Прощаюсь, как будто наставляет
меня ветер эпохи иной
горь улицы рядом с хладнющим
за ветхой беланой стеной,
как будто сорвается с аркана
и хлынет на лампу света
той улицы, где для романта
примирятана в кисли бела,
как будто скатит молчанием
и скрипом телесных колес,
и грязь делает пыханье
девяцей вали шаровес, —
и вот остановка, и выходит
в небрежном и халтом плаще
мой предок, который не видит,
что время развалинуло щель:
он будет глядеть на округу,
японскую трубку сосать;
но эту холеную руку
весь мне никогда не показать, —
мак измы — просторная яма,
глухой колокольный язык.
И этих не знал изъянков,
он входит в вагон.

И на мир

взглядит на меня. И учится...
тот поезд в путь прошлого, где
моя невозможность, как итальянца
в сапках, бьет крыльями в беде.
Мне некого звать. Только поезд,
безволье и яростный грай
вороний, картавый...

Опомнился,
опомнился, луна - и прощай.
